

ОСАВЕЛЮК А.М.¹ БОЖЕСТВЕННАЯ ЭНЕРГИЯ – ВНУТРЕННИЙ ДУХ И ИСТОЧНИК ДЕЙСТВИЯ ПРАВА? (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре на основе научной и духовно-нравственной литературы рассматриваются трансформации современного российского права, происходящие в том числе под влиянием поправки, включенной в Конституцию РФ в 2020 г. Освещаются различные теории сущности и действия права и новые концептуальные подходы к определению причин («побудительной силы») действия права. Отмечается, что в Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема поиска соотношения между «духом права» и буквой закона. Опыт России в данном вопросе является уникальным и требует специального анализа сложившейся системы законодательства и новой тенденции.

Ключевые слова: внутренний Дух права; божественная энергия; Священное писание; действие права; буква закона; интерес в праве; государственное принуждение в праве; естественное право.

OSAVELYUK A.M. Is Divine Energy the Inner Spirit and the Source of Action? (Review)

Abstract. This review, based on scientific and spiritual-moral literature, examines the transformations of modern Russian law, including those occurring under the influence of the amendment included in the Constitution of the Russian Federation in 2020. Various theories of the essence and effect of law and new conceptual approaches to determining the reasons (“motivating force”) for the effect of law are highlighted. It is noted that in the Russian Federation, the problem of finding a relationship between the “spirit of law” and the letter of the law is of particular relevance. Russia’s experience in this matter is unique and

---

¹ © Осавелюк Алексей Михайлович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

requires a special analysis of the existing legislative system and the new trend.

Keywords: Scripture; the inner spirit of law; divine energy; the action of law; the letter of the law; interest in law; state coercion in law; natural law.

Для цитирования: Осавелюк А.М. Божественная энергия – внутренний дух и источник действия права? (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 25–40. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.02

Введение

В течение тысячелетий лучшие умы человечества – мыслители, философы, государственные деятели, теоретики права и другие профессионалы мучительно искали ответ на вопрос: как действует право и что является источником, приводящим нормы права к их реализации. Например, Аристотель (384–322 гг. до н.э.) разделял право на естественное и волеустановительное; естественное право определял как предписание здравого смысла, а волеустановительное – как Божественное и человеческое, частным видом которого считал государственное право [6, с. 78–79]. В более поздние годы Б. Спиноза (1632–1677) также писал о естественном праве, в соответствии с которым совершается все [23, гл. XIV].

В Древние века (XVII – III в. до н.э.) законодательство также следовало за выводами выдающихся мыслителей. Например, в Законах Хаммурапи, царя Вавилона, обнаруженных в 1750-х годах до н.э., правовые нормы хотя и не имели религиозного содержания, доводилось до людей в сакральной форме, со ссылкой на авторитет самых почитаемых вавилонских богов: «Мардук повелел мне дать справедливость людям». В другом регионе уповали на древность действия законов и поддержку богов. Известная китайская «Книга правителя области Шан» (IV в. до н.э.) в преамбуле также указывает от имени царя Сяо Гуна, что «ныне я хочу изменить законы, дабы добиться образцового правления... но опасюсь, что Поднебесная осудит меня» [7, с. 139–140].

Профессор Г.В. Мальцев справедливо отмечал, что в «одной из первых “варварских правд” – Салической правде (V–VI вв.) – законы провозглашались от имени “славного народа франков”,

который еще во времена “варварства”, по внушению Божию, искал ключ к знанию согласно со своими обычаями» [12, с. 155; 10; 9].

Обобщая результаты исследования указанной проблемы, сформированной мыслителями и нормативным правовым регулированием глубокой древности, известный историк А.Я. Гуревич пришел к выводу: «Никто, ни император, ни другой государь, ни кое-либо собрание чинов или представителей земли не вырабатывает новых законоположений... Следовательно, не выработка новых законов, но отбор в старом праве наиболее мудрых и справедливых предписаний, – так понимается задача законодателя» [4, с. 149, 151].

В эпоху Нового времени представления о божественном и естественном праве принципиально меняются. В частности, один из ранних представителей того периода Гуго Гроций в книге «О праве войны и мира» (1625) учил, что «законы естественного права якобы коренятся в самой природе разума, а потому имеют такое же вечное, неизблемое значение, как и сам разум, необходимы, как законы логики. Поэтому нормы естественного права совершенно независимы от воли Божией: они существовали бы даже, если бы Бог не существовал; Бог не может изменить их...» [25, с. 55].

В нашем Отечестве, начиная с середины XI в., действовали наполненные духовным содержанием «Слово о законе и благодати» святителя Илариона Киевского, «Русская Правда», княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, Стоглав, Соборное Уложение 1649 г. и другие источники. Например, указывая на возвышение духа над законом, свт. Иларион отмечал: «Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине» [15, с. 39].

В XIX в. – первой половине XX в. появились многочисленные публикации по данному вопросу. Подавляющее большинство из них если не носили антирелигиозного характера, то как минимум не упоминали о божественном происхождении права. В частности, Р. Иеринг считал, что личный интерес приводит в действие правовые предписания: право есть защищенный государством интерес, право – ничто без государственной власти¹.

Основоположники марксизма-ленинизма К. Маркс и Ф. Энгельс писали в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии»:

---

¹ Иеринг Р. Интерес и право: Правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила: пер. с нем. – Ярославль, 1880.

«Право – это воля правящего класса, возведенная в закон и принуждаемая к исполнению государственными механизмами»¹.

Один из крупнейших нормативистов Г. Кельзен развивал «чистую» теорию права, отрицая его обусловленность какими бы то ни было «внешними по отношению к праву факторами. Он отмечал, что именно юридические нормы, содержащиеся в правовых источниках (“законах”), создаваемых государством, имеют для права определяющее» [цит. по: 17, с. 257] значение².

Критикуя подобные теории, Б.Н. Чичерин еще в XIX в. отмечал, что «право по существу своему имеет метафизическое начало, а потому с отрицанием метафизики пришлось и его сущность подвергнуть изгнанию. Вместо свободы основным началом признается *интерес*. Метафизическая идея заменяется практической пользой. Однако это изгнание метафизической идеи и замена ее началом практическим имели весьма печальные последствия» [28, с. 60–81].

Практически все советские теоретики права вслед за В.И. Лениным выводили право из «классовой борьбы и интерпретировали его как возведенную в закон волю господствующего класса. Сам феномен права при этом рассматривался как явление вторичное по отношению к государству, а право определялось как совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения, соблюдение которых обеспечивается мерами принудительного государственного воздействия» [1, с. 65; 24, с. 144; 27, с. 171].

Современные специалисты в области права отмечают, что оно состоит не только из государственных законов, устанавливающих юридические правила поведения, а его реализация не

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – Москва: Политиздат, 1974. – С. 41.

² В более поздних работах Г. Кельзен все-таки пришел к мысли о том, что «нужно перешагнуть сферу рационально логической, эмпирической реальности, эмпирического волевого акта, его содержания и взять курс на трансцендентальную, метафизическую область, в которой воля была бы одновременно мыслью, должное – сущим, норма – высказыванием, право и справедливость – истиной. Это есть подъем человека к Богу, от науки или философии – к теологии. Это есть путь от правового и морального позитивизма к учению о естественном праве» [См.: Kelsen H. What is Justice, Law, and Politics in the Mirror of Science. – Berkeley; Los Angeles, 1960. – P. 209–210, 228. Цит. по: [10, с. 192–193]. В устах Г. Кельзена эти слова звучат невероятно, но таков итог его сложной мировоззренческой эволюции.

только обеспечивается государственным принуждением. Более гибкую позицию в определении указанного понятия занимают ученые по теории права. Подавляющее большинство таких ученых предлагают различные варианты, позволяющие отказаться от представления о праве как результате обязательной государственной монополии на правотворчество и государственное принуждение.

Например, они указывают, что кроме государства источником происхождения права могут выступать и другие субъекты. То есть, юридические правила поведения могут не обязательно устанавливаться только государством. Следовательно, государство в этом случае только разными способами санкционирует результаты правотворчества других субъектов. Одним из способов санкционирования является, например, отсылка в законе к правовым обычаям или к договорам. Другим – регистрация уставов общественных организаций и других негосударственных субъектов. Так, авторы курса лекций по теории государства и права считают, что «право есть система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений, наряду с мерами воспитания и убеждения, *возможностью* (выделено автором. – *А.О.*) государственного принуждения» [24, с. 144]. Аналогичную позицию занимает профессор А.Ф. Черданцев, определяющий право как «систему общеобязательных, формально определенных норм (правил поведения), генетически и функционально связанных с государством, выражающих согласованные интересы и волю общества, содержание которых вытекает из природы и характера господствующей в обществе системы экономических, политических и иных отношений» [27, с. 171].

Многие из современных авторов указывают на то, что «на определенных этапах истории и в ряде стран право получало выражение именно в религиозных догматах» [3, с. 324; 12, с. 37–38, 81–83; 20, с. 34]. Например, авторы учебника «Проблемы теории государства и права» под общей редакцией академика РАН В.С. Нерсесянца отмечают, что «религиозный способ регуляции в истории ряда культур оформлялся первым, как бы прокладывая дорогу моральным и правовым нормам, предвещал и содействовал их появлению» [18, с. 67].

Но несмотря на множество теорий, посвященных праву и по-разному объясняющих его происхождение, сущность, роль в упорядочении социальных отношений, не только ни одна из них до

конца не объясняет механизм действия права, но и большинство из них, как показано выше, те побудительные мотивы, которые «заставляют» самых разных субъектов правоотношений в разных концах света, не сговариваясь, следовать формальным предписаниям скупых «юридических формул», находят не в самом праве, а вовне. Это или интерес, или принудительная сила государства¹, или классовое принуждение и т.д. То есть, право само по себе бес- сильно?

Убедившись в бесплодности многочисленных теорий, кото- рые ученые пытались «объяснить» источник действия права не самим правом, а внешними факторами, многие известные юристы в очередной раз попытались вернуться к самому праву. Как спра- ведливо отмечает профессор В.В. Сорокин, «даже в советские времена в пору воинствующего атеизма юристы активно пользо- вались в своей деятельности понятием “Дух права”» [21, с. 5].

Тем не менее, например, у В.В. Сорокина, Д.А. Савченко и других авторов понятие «Дух права» даже отдаленно не соответ- ствует древнему содержанию указанного термина. По В.В. Сорокину и Д.А. Савченко, «Дух права» представляет собой системную ос- нову общественного правосознания. Именно он обеспечивает ор- ганическое единство и полноту форм права. Поэтому значение любого юридического закона находится в прямой зависимости от того, в какой степени в нем выражается универсальный Дух права [22, с. 26].

Если в первой из приведенных статей речь идет о соотноше- нии идей, принципов, символов, ценностей, способных быть регу- лятивными, и буквы закона (совокупности документально выра- женных норм) [21, с. 5–15], то во второй – об основе общественного правосознания, выраженного главным образом во внутреннем убеждении судьи, прокурора и следователя и др. [22, с. 25–30; 2, с. 39–51]. По существу – это другие, но тоже внешние факторы.

---

¹ На момент распада в СССР насчитывалось 1 млн 977 тыс. работников органов государственного и хозяйственного управления, 871 тыс. работников аппарата министерств и ведомств, 297 тыс. сотрудников аппаратов исполкомов СНД, 12 372 народных судьи, 3106 областных и окружных судей, 584 судьи Верховных судов союзных республик (не считая партийных и комсомольских функ- ционеров и «силовых» ведомств) (см.: Народное хозяйство СССР в 1989 г.: стати- стический ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1990. – С. 49–50, 263.)

В качестве других вариантов определить внутренний дух права и показать, почему же реализация права осуществляется человеком, как правило, добровольно, а не через обязательное государственное принуждение, предлагал Г.В. Мальцев: «Право, опираясь в определенных случаях на поддержку государственной власти как силы внешнего обеспечения, тем не менее строится и функционирует на базе внутренней, имманентной ему власти, которую по традиции мы называем *юридической*. ...Каждое отношение – силовое поле человеческих энергий, физических и душевных, разнонаправленных и действующих совместно. В этом силовом поле рождается и существует власть, имманентная социальному отношению как таковому. Если нет этой внутренней, “живой” и скрепляющей власти, отношение не может состояться, какую бы внешнюю поддержку не оказывали ему тираны, диктаторы, палачи с их самой изощренной системой принуждения и наказания» [11, с. 288–290].

Лучше не скажешь! Но, произнесенное «касается не собственно права, не побудительных мотивов реализации его норм, а правоотношения, которое в отличие от норм всегда конкретно и имеет, как правило, ограниченный круг субъектов. Норма же не знает ни конкретных субъектов, ни конкретного места, ни времени действия. Она действует везде, распространяется на всех и всегда (до тех пор, пока ее не отменили, разумеется) кто, где и когда подпадает под ее предписание.

Поэтому не ясно, почему такие разные “человеческие энергии, физические и душевные, разнонаправленные и действующие совместно” действуют, как правило, добровольно и относительно согласованно на огромных пространствах и в разное время?» [17, с. 318].

Внутренний Дух права

И что же из себя представляет это «силовое поле человеческих энергий», сформулированное профессором Г.В. Мальцевым? Мы считаем, что можно в указанной им добровольности и согласованности энергий различать не только уровни, но и качество реализации норм права. Другими словами, внутренний дух права по-разному действует среди разных категорий людей. По-одному он действует среди верующих православных христиан. По-другому – среди верующих других авраамических религий (например иудаизм, ислам). По третьему – среди язычников и неверующих.

Например, в Евангелии от Матфея в Нагорной проповеди говорится, что Господь предлагает верующим в Него превзойти праведность книжников и фарисеев, принципиально поменяв внутренний дух права. Вместо исполнения норм юридического закона, как это предписывалось Ветхим Заветом, из-за страха наказания за нарушение (неисполнение), исполнять правовые предписания из любви к своему Создателю и ближнему своему, как это сформулировано Господом (в Новом Завете).

Другими словами, сделать больше, чем предписывает формальный юридический закон: принципиально поменять качество исполнения. Вместе с тем это «большее» является более легким для человека по сравнению с исполнением юридического закона. Поскольку оно требует оценки качества закона с точки зрения морали: несет ли такой закон добро, гуманны ли его положения, справедлив ли он и т.п.

Как сказано в Евангелии, Господь своей благодатью предлагает верующему вместо формального юридического закона нравственные начала: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (Матф. 5: 21–28); «...люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5: 31–32; 38–48).

Анализируя указанное место из Евангелия, протоиерей Валентин Свенцицкий справедливо отмечает, что «то новое, что говорится здесь, не было отменю старого закона, а было более со-

вершенным выражением все той же заповеди о любви, которая содержит весь закон, как старый, так и новый. Господь пришел не нарушить закон, но исполнить, потому что Он Сам был совершенным исполнителем любви. И тот идеал, который во всей полноте не могло вместить ветхозаветное сознание – сделался идеалом новозаветным, когда через искупление открылся путь Богосовершенства, и сделалось возможным получение через веру в Господа Иисуса Христа и принадлежность к Его святой Церкви благодатной помощи в таинствах.

Что же представляет из себя этот новозаветный христианский идеал? Это путь в полноту любви. Что значит жизнь в полноте любви? Это – жизнь в Боге. Об этом благодатном состоянии, как цели нравственной христианской жизни, говорит и слово Божие, и Отцы Церкви, и святые угодники Божии. Я приведу тебе слова преподобного Серафима Саровского, и тогда станет сразу ясно, о чем идет речь: “Пост, бдение, молитва, девство и все другие добродетели, ради Христа делаемые, – говорит преподобный, – сколько ни хороши они сами по себе, однако же не в них одних состоит цель христианской жизни нашей, и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить: но цель жизни нашей есть та самая благодать Духа Божия, которую они приносят нам, и вот в стяжании или наживании ее-то одной (через них приобретаемой) и состоит цель жизни христианской”» [17, с. 320; 19, с. 116–117].

Из книг Священного Писания, истории религии известно, что, создав человека, Бог дал ему все необходимые для успешной жизни социальные нормы. Например, в Декалоге Моисея (религиозный источник) А.П. Лопухин выделял два вида норм – нравственные и юридические: «Чисто нравственные правила могут иметь значение вполне юридических постановлений. Поэтому-то в Десятисловии, напр., наряду с чисто юридическими постановлениями: “не убей”, “не укради”, стоят чисто нравственные правила: “не пожелай жены искреннего (ближнего. – А. О.) твоего” и пр. и для народа они имели одинаковую обязательную силу» [8, с. 5].

По нашему мнению, в десяти заповедях Закона Моисея (как и многих других религиозных источниках, например в Коране) следует выделять не два, а три вида норм: «религиозные императивы» (первые четыре заповеди Декалога)¹, «моральные императивы» и «важнейшие постулаты права» [16, с. 137; 17, с. 309].

---

¹ Например: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе

Поэтому слова апостола Павла о том, что «Закон свят» (Рим. 7: 12) и «Закон духовен» (Рим. 7: 14) являются главными аргументами того, что «закон имеет власть» (Рим. 7: 1). Значит, власть закона – от Духа его и от святости, т.е. от его божественных свойств. Следовательно, быть в послушании закону – это значит, быть в послушании Духу и святости, т.е. Богу; и наоборот, послушание и покорность Богу означает не что иное, как подчинение закону. Апостол Павел обращался со словами: «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом (Евр 8:10)».

Рассуждая именно о таком внутреннем духе права, наш соотечественник И. Ильин отмечал, что «право по своей глубочайшей сущности есть необходимый *атрибут духа*: его признание, его сфера свободы, его полномочие, его предел, его правило, его свободное повиновение... Верное понимание права есть понимание его духовной природы и его духовного назначения...» [5, с. 314].

Таким образом, глубокий божественный уровень внутреннего Духа права мы встретим в Ветхом Завете, других Священных Книгах.

Еще один, более низкий уровень и качество его действия – у язычников. В отношении данного уровня речь можно вести о совести, которая заложена Творцом в душу каждого человека. Совесть обличает неблаговидные поступки каждого человека, побуждает его исправляться и поступать по законам совести. Другими словами, таким внутренним духом в праве для любого человека выступает его совесть (Иер. 31: 31–34; 9: 25–26).

Следовательно, внутренний Дух права действует независимо от веры, национальности, возраста. Но по-разному. В зависимости от причин и факторов, отмеченных нами выше. Потому что на сердце у каждого человека написано: «сами будут знать Меня, от малого до большого...» и единый закон Его будет в сердце каждого.

вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно».

Теоретическое обоснование действия внутреннего Духа права

Митрополит Иоанн (Снычев), характеризуя особенности высочайшего уровня действия внутреннего Духа права на примере Православной Византии, отмечал «Сотрудничество имперской государственной власти с соборным разумом Церкви было столь тесным, что в законодательных уложениях (так называемых Кодексах Императора Феодосия II, а затем и Императора Юстиниана) церковные каноны почитались обязательными к исполнению, как и гражданские законы. В свою очередь, гражданский закон, противоречащий основным церковным канонам, не признавался действительным. Более того, “воцерковленные” гражданские кодексы даже после падения Византии признавались православными поместными Церквями действующими образчиками церковного права, рассматриваясь наравне с соборными канонами» [14, с. 360].

В нашем государстве подобная модель в той или иной степени полноты действовала с конца X в. (крещения Руси) до XVI в. [13, с. 183–238]. Для нее характерно то, что часть норм Кормчей книги (источника церковного права) регулировала некоторые наиболее важные светские отношения (бракоразводные и наследственные, некоторые государственные преступления), а светские судебники содержали нормы, регулировавшие некоторые религиозные отношения.

Следует отметить, что даже в концепциях, разделяющих богоустановленность права, также имеются проблемы, связанные с внутренним Духом права. Например, общеизвестным является факт, что древнеиудейское государство было теократическим. Более того, еще до создания государства, во время сорокалетнего следования по пустыни в землю обетованную «сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору, и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые Я написал для научения их» (Исх. 24:12). Известно также, что Иисус Христос неоднократно осуждал фарисеев за формальное отношение к закону, за следование внешним правилам закона, а не его духу.

В предыдущем разделе данной статьи мы уже отмечали особенности уровней проявления внутреннего Духа права и качества его реализации разными субъектами. Здесь же добавим из послания апостола Павла к римлянам, где сказано: «Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них напи-

сано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую (Рим. 2: 14–15)».

Немецкий философ И. Кант также говорил об этом, но другими словами: «Больше всего меня поражают и заставляют верить в Бога две вещи – звездное небо над головой и нравственный закон во мне»¹.

Следовательно, для верующего человека внутренний Дух проявляется не только в воздействии на него совести и Ветхозаветного закона, но и в благодати, воздействующей на него посредством различных ступеней богообщения. Многочисленные примеры этого можно найти, например, в Евангелиях: «От Него исходила сила и исцеляла всех» (Лк. 6: 19), «И которые прикасались к Нему, исцелялись» (Мк. 6: 56), «Он говорил, как власть имеющий, а не как книжники» (не обладая формально никакой должностью, избегая явно почестей) (2 Кор 5: 15–21; Мк. 1: 16–22)². То есть, внутренний Дух – в богоустановленности и боговдохновенности права Духом святым.

И наоборот, для нерадивого христианина, неверующего и т.д., где равнодушие, нерадение, ложь, всякая нечистота – там нет Духа Божия. На этот случай в послании апостола Павла к галатам сказано: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6: 7–8).

Как отмечал религиозный философ С.Л. Франк, «никакая, самая энергичная и в других отношениях полезная внешняя деятельность не может быть в буквальном, строгом смысле “благодарной”, не может сотворить или осуществить ни единого грана добра в мире; никакая самая суровая и успешная внешняя борьба со злом не может уничтожить ни единого атома зла в мире. Добро вообще не творится людьми, а только взращивается ими, когда они уготавливают в себе почву для него и заботятся об его росте; растет и творится оно силою Божией. Ибо добро и есть Бог. А единственный способ реально уничтожить зло есть вытеснение его сущностным добром; ибо зло, будучи пустотой, уничтожается только за-

---

¹ Кант И. Критика практического разума. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH8a3f9f3288ef09055f62a1> (дата обращения: 12.04.2025).

² См.: Святитель Феофан Затворник. Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев / Афон. Рус. Пантелеймонов монастырь. – 3-е изд. – Москва: Тип. Ефимова, 1887.

полнением и, будучи тьмой, рассеивается только светом» [26, с. 128].

К сожалению, пришедшее к нам по реформам Петра I и укorenившееся западное представление о праве как системе правил поведения, установленных государством, стало более однородным, строгим, но менее глубоким, авторитетным, несмотря на заведомо безуспешные попытки создать вокруг права ореол святости.

Как отмечал Г.В. Мальцев, «сегодня важно восстановить, насколько это возможно, картину величественного симбиоза *религии и обычного права*, связанного с ним мощного подъема коллективного сознания и психики, который позволяет нам понять и объяснить, почему в древности при минимальном принудительном аппарате могло существовать обычное право без гарантированного обеспечения его политическим средствами, без тюрем и полиции, судебных процессов и расправ» [12, с. 100].

Видимо, в восстановлении истинного понимания «права и государства человечеству предстоит пережить глубокое обновление. Должен быть окончательно отвергнут губительный предрассудок о “внешней” природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя” *душевно-духовная сущность*. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая *душа*, в которой оно выступает с силою *объективной ценности*» [5, с. 386].

То есть, Иисус Христос предложил функцию «сдерживания», «запрета» сделать не юридической, а нравственной. Поэтому и страх Господень, сдерживающий дурные поступки, хоть и не является юридическим фактором, неизменно приносит соответствующие позитивные результаты при наличии определенной духовной ориентации как отдельного человека, так и общества в целом.

Нравственная запретность «не тяготит душу, исполненную чувством собственного достоинства. Такая душа или соблюдает свои запретности легко и естественно, осязая за ними объективную и непреложную цель права и не *унижая себя преступлением*. Или же она, исчерпав все лояльные пути, ведущие к обновлению права, решается на политическое противодействие во имя идеи права и его цели, но такое правонарушение не только не уничтожает, но утверждает и углубляет ее духовное достоинство» [5, с. 318–319].

Таким образом, новый взгляд Господа на закон, сформулированный в Евангелии в Нагорной проповеди (Мф. 5:3–11) требует

изменения человека к собственно праву. Оно должно становиться более нравственным. Общеизвестно, что основным и самым массовым носителем духовных ценностей выступает общество. Именно поэтому в Соборном слове, обращенном участниками XI Всемирного русского народного собора к органам государственной власти Российской Федерации, особо подчеркивается, что «необходим более прямой, ответственный диалог между Правительством, Федеральным Собранием и гражданским обществом России. Без такого диалога не может быть решений, понятных народу и принятых им»¹.

Заключение

Появившиеся в последние десятилетия в отечественной юридической литературе публикации о сущности права и причинах, побуждающих его к «самореализации» посредством действия его внутреннего Духа с включением в Конституцию РФ поправки в 2020 г., создали уникальную конституционно-правовую ситуацию не только для качественно более благоприятной ситуации дальнейшего научного поиска в указанной сфере, но и для создания нового соответствующего конституционно-правового регулирования.

В частности, новая статья 67.1, включенная в Конституцию РФ в 2020 г., установила обязанность сохранять память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства признание исторически сложившегося государственного единства. Изменения в текущем российском законодательстве, прежде всего в федеральных законах «О свободе совести и о религиозных объединениях» и «Об образовании в Российской Федерации», не только в значительной мере подготовили включение в Конституцию РФ поправки в 2020 г., но и после вступления в силу статьи 67.1 развили ее положения.

Например, ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает норму, в соответствии с которой религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями и обладают правоспособностью, предусматриваемой в их уставах, а государство

---

¹ Соборное слово участников XI Всемирного русского народного собора от 7 марта 2007 г. – URL: <https://pravoslavie.ru/21163.html> (дата обращения: 14.06.2025)

уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству РФ.

Подобные законодательные положения создают конституционно-правовую основу для диалога между соответствующими органами публичной власти и структурами религиозных организаций для сближения и взаимодействия норм законодательства с нормами церковного права и религиозной нравственности как нормативной основы для взаимодействия соответствующих институтов государства и общественных организаций, включая и выработку соответствующих совместных социальных нормативных положений.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – 416 с.
2. Бируля А.С. Соотношение «Буквы» закона и «Духа» права в юридической деятельности: отечественный консервативный правовой подход // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 39–51.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – 3-е изд. – Москва: Юриспруденция, 2000. – 607 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – Москва: Искусство, 1972. – 303 с.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10-и т. – Москва: Русская книга, 1994. – Т. 4: Понятие права и силы (опыт методологического анализа). – 624 с.
6. История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кечекьяна и доц. Г.И. Федькина. – 2-е изд. – Москва, 1960. – 894 с.
7. Книга правителя области Шан [Текст]: (Шан Цзюнь Шу) / пер. с китайского, вступ. статья [с. 13–136] и коммент. Л.С. Переломова. – Москва: Наука, 1968. – 351 с. – (Памятники письменности Востока / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т народов Азии; № 20).
8. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. С приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). – Москва: Зерцало, 2005. – 212 с.
9. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. – Москва: ИНФРА-М: Норма, 2024. – 680 с.
10. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – Москва: ИНФРА-М: Норма, 2024. – 400 с.
11. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – Москва: Прометей, 1999. – 419 с.
12. Мальцев Г.В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. – Москва: Изд-во РАГС, 2000. – 189 с.

13. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви: в 9-ти т. – Москва: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. – Т. 3. – 298 с.
14. Митрополит Иоанн (Снычёв) Русская симфония. Очерки русской историософии. – Санкт-Петербург, 2001. – 528 с.
15. Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона / отв. ред. Л.П. Жуковская, В.Ю. Франчук; Академия наук СССР, Ин-т русского языка, Академия наук УССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев: Наук. думка, 1984. – 238 с.
16. Осавелюк А.М. Государство и церковь: монография / Рос. гос. торг.-экон. ун-т. – Москва: Изд-во Российского гос. торгово-эконом. ун-та, 2010. – 239 с.
17. Осавелюк В.М. Церковь и государство: монография. – Москва: Проспект, 2019. – 428 с.
18. Проблемы общей теории государства и права: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – Москва: Норма, 2002. – 832 с. – С. 67.
19. Свенцицкий В.П., протоирей. Диалоги – Саратов: Изд-во Моск. подворья Свято-Троиц. Сергиевой Лавры, 1999. – 334 с.
20. Селюков Ф.Т. Происхождение действующего права. – Москва, 1997. – 160 с.
21. Сорокин В.В. Дух права и буква закона: характер соотношения // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 5–15.
22. Сорокин В.В., Савченко Д.А. Дух права – фактор толкования нормативно-правовых актов // Юридическая наука. – 2023. – № 10. – С. 25–30.
23. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. / общ. ред. и вступ. статья В.В. Соколова]. – Москва: Госполитиздат, 1957. – Т. 2. – 729 с.
24. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2002. – 776 с.
25. Грубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – Москва: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
26. Франк С.Л. Смысл жизни. – Москва: Аст, 2004. – 157 с.
27. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2002. – 429 с.
28. Чичерин Б.Н. Философия права: сб. / вступ. ст. И.Д. Осипова [с. 3–18]. – Санкт Петербург: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1998. – 654 с. – (Русская государственная мысль, РГМ).